

**Доктор Дэвид Бауэр, Индуктивное изучение Библии,**  
**Лекция 3, Индуктивная методология, Точная, Информированная, Автор, Sensus Plenior, Контекст**  
© 2024 Дэвид Бауэр и Тед Хильдебрандт

Это доктор Дэвид Бауэр в своем учении об индуктивном изучении Библии. Это занятие 3: Индуктивная методология, Точный, Информированный, Автор, Sensus Plenior, Контекст, Аналитический и Синтетический.

Мы хотим снова остановиться на цифре пять, и это точно.

Как я упоминал перед перерывом в этом сегменте, это действительно относится или действительно предполагает, что можно говорить о точной и неточной интерпретации, что далее предполагает, что можно выбирать между хорошей и плохой интерпретацией, правильной и неправильной интерпретацией. . Что же такое интерпретация? По нашему мнению, и мы снова выносим это на ваше рассмотрение, по нашему мнению, интерпретация предполагает апелляцию к намерению автора. Чем ближе мы подходим к тому, что автор намеревался донести до своих первоначальных читателей, тем лучше становится эта интерпретация.

Это соответствие между нашей интерпретацией и намерением автора с точки зрения того, что он хотел сообщить своим первоначальным читателям, является основой для разговора о точной интерпретации. Теперь эта идея апелляции к намерениям автора подвергается серьезным нападкам. Многие говорят, что намерения автора не имеют отношения к смыслу текстов, что на самом деле смысл отрывка определяется тем, что он значит для меня, а не тем, что он значил для первоначального автора и тому подобное.

Но в том-то и дело, что фундаментальной реальностью процесса чтения является чувство автора, чувство обращения. Если кто-то занимается своего рода герменевтикой, своего рода размышлением об интерпретации, которая отрицает, игнорирует или обходит авторский голос, он не интерпретирует текст в соответствии с его собственной природой. Если человек хочет это сделать, это его дело, но, по крайней мере, такой человек должен быть честным и сказать, что это противоречит как природе Библии как текста, так и опыту чтения.

Как я уже сказал, совершенно очевидно, что наиболее фундаментальной реальностью читательского опыта является ощущение того, что к вам обращаются, то есть чувство автора. На самом деле это авторский голос, который мы слышим, когда читаем текст. Однако нам следует быть

осторожными на этом этапе, когда мы говорим об обращении к автору, потому что нам нужно пойти дальше и выяснить, к какому именно автору или автору в каком качестве мы обращаемся в интерпретации.

Мы утверждаем, что когда мы апеллируем к намерению автора в интерпретации, мы на самом деле апеллируем к подразумеваемому автору, а не к автору из плоти и крови, который на самом деле написал эти слова. Это просто вопрос реалистичности, потому что дело в том, что единственный автор, который у нас есть, единственный автор, к которому у нас есть доступ, — это автор, который представляет себя через то, что он написал. У нас нет прямого доступа, скажем, к Матфею, или Марку, или Павлу.

У нас нет доступа к этому живому автору. Единственный автор, который у нас есть, — это подразумеваемый автор, автор, который представляет себя нам через текст и может быть выведен из текста, который подразумевается внутри самого текста. Теперь вы можете спросить себя: а какова же выгода от проведения этого различия между автором из плоти и крови и подразумеваемым автором, то есть автором, с которым мы встречаемся в этом тексте? Ну, это просто вопрос признания того, что автор из плоти и крови одновременно всегда больше и меньше подразумеваемого автора.

Автор из плоти и крови крупнее предполагаемого автора в том смысле, что автор из плоти и крови знает больше и верит больше, имеет более широкий диапазон идей, чем подразумеваемый автор любого отрывка. Возьмем, к примеру, Евангелие от Марка. У Марка были всевозможные знания, размышления и убеждения относительно Иисуса, которые не нашли отражения в его Евангелии.

Его христология, его учение о Христе было больше, чем христология или изображение Христа, представление о Христе, учение о Христе, которое мы имеем в Евангелии от Марка. В этом смысле настоящий автор из плоти и крови больше, чем предполагаемый автор. Кстати, об этом прямо говорится в Евангелии от Иоанна.

Вы помните, что Иоанн заканчивает основную часть своего Евангелия, на самом деле он заканчивает основную часть своего Евангелия, да, в Иоанна, глава 20, стихи 30 и 31, словами: «Итак, Иисус совершил много других знамений в присутствии учеников, о которых не написано в Евангелии». эту книгу, но они написаны для того, чтобы вы поверили, что Иисус есть Христос, Сын Божий, и поверили, что вы можете иметь жизнь во имя Его. И затем в самом конце самого Евангелия в 21-25, но есть и много других вещей, которые сделал Иисус, если бы каждое из них было написано, я полагаю, что сам мир не смог бы вместить книги, которые были бы написаны. . Таким образом, многие Иоанны знали о многих других вещах, которые делал Иисус, и мы можем только думать,

мы должны думать, что взгляды Иоанна в отношении Христа были шире, были шире, чем те, которые нашли свое отражение в сочинениях Иоанна в этих 21 главе. его книги.

Итак, мы это понимаем. Однако мы также понимаем, что, наоборот, предполагаемый автор всегда больше, чем автор из плоти и крови, потому что, когда автор пишет книгу и публикует эту книгу, эта книга в некотором смысле обретает собственную жизнь. и имеет значение, которое автор из плоти и крови, возможно, не намеревался сообщать сознательно. Автор всегда, особенно это касается развернутого письма, автор всегда говорит больше, чем сознательно намеревается сказать.

Смысл отрывков превосходит сознательную интенциональность авторов из плоти и крови. Одним из современных писателей, обсуждавших подобные вещи, является человек по имени Э.Д. Хирш. Он попросил нас представить класс, в котором говорилось, что обсуждалось конкретное стихотворение, скажем, класс колледжа, в котором обсуждалось стихотворение современного поэта, и они говорили о значении этого стихотворения.

Они его разбирают, о нем беседуют, занимаются стихотворением и на уроке приходят к своему пониманию смысла стихотворения. И он говорит, представьте, что они приглашают войти самого поэта, и говорят ему, когда мы изучали это ваше стихотворение, вот что мы придумали по его смыслу. Он сказал, что вполне возможно, что этот поэт скажет: да, я понимаю, что вы имеете в виду, и на самом деле именно это означает этот отрывок, хотя я не полностью и не намеревался этого сознательно.

Это было бы вполне возможно. На самом деле, подобные вещи происходят постоянно. Так что подразумеваемый автор того стихотворения, которое вы видите, был крупнее автора из плоти и крови по смыслу и тому подобному.

Итак, я думаю, что, сказав это, и, конечно, мы сделали различие между автором из плоти и крови и подразумеваемым автором. Дело в том, что на практике вы должны учитывать, что между намерениями автора из плоти и крови и подразумеваемого автора будет существовать реальная связь, если только автор из плоти и крови не будет полностью некомпетентен. И нет никаких оснований полагать, что кто-либо из наших библейских авторов был некомпетентен.

Итак, если вы говорите о компетентном авторе из плоти и крови, то между тем, что автор намеревался сказать, и тем, что он говорит, будет реальная преемственность. Но это означает, что в отрывках, которые выходят за рамки сознательной интенциональности или, по крайней мере, могут выйти за пределы сознательной интенциональности авторов, присутствует некое

богатство, своего рода надежность смысла. Это важно для наших целей, практически, во многих отношениях.

Я упомяну здесь только два из них. Во-первых, это объясняет, я думаю, во многом, использование Ветхого Завета в Новом Завете и тот факт, что довольно часто в Новом Завете говорится об отрывке из Ветхого Завета или цитируются отрывки из Ветхого Завета, которые исполняются таким образом, как в оригинале. пророк или первоначальный автор Ветхого Завета не мог знать или не мог об этом подумать. Техническим выражением такого рода вещей является *sensus plenior*, то есть полный смысл, полный или обильный смысл, способ говорить об этом, полный или обильный смысл отрывка.

Теперь, чтобы это сделали авторы Нового Завета, позвольте мне привести вам пример такого рода вещей. У вас это есть, например, в 1-й главе Евангелия от Матфея, извините, в 2-й главе Евангелия от Матфея, в 15-м стихе, где мы читаем, что Он встал, взял ночью ребенка и мать его и убежал в Египет. Это бегство Иисуса, святого семейства, в Египет, помните, и оставалось там до смерти Ирода.

Это должно было исполнить то, что Господь сказал через пророка из Египта, которого я назвал своим сыном. Это цитата из Осии 11:1, и, как отмечают многие учёные, конечно, совершенно очевидно, что если вы прочитаете этот отрывок в контексте Осии 11:1, вы обнаружите, что это не пророчество. На самом деле здесь говорится об Исходе, о том, как Бог вывел Свой народ из египетского рабства за столетия до того, как писал Осия, но теперь Матфей говорит, что это осуществилось в Иисусе.

То есть в некотором смысле Осия 11:1 относится к Иисусу Христу, поэтому Осия на самом деле говорил больше, чем он знал. Осия 11:1 означает больше, чем Осия сознательно намеревался донести до своей аудитории на севере Израиля в 8 веке до нашей эры. Я имею в виду, что это просто часть убеждения авторов Нового Завета в отношении отрывков Ветхого Завета.

Еще один важный момент этого различия между предполагаемым автором и реальным автором для нашей интерпретации заключается в том, что интерпретация не зависит от абсолютной уверенности в том, что значение отрывка было сознательно задумано его первоначальным автором из плоти и крови. Если это порог, то зачастую вы не можете с большой уверенностью говорить о значении отрывков. Единственное, что существенно, это то, чтобы вы могли на основе тщательного рассмотрения фактов прийти к выводу, что таков смысл этого отрывка, что таков смысл того, что говорит в этом отрывке автор.

Независимо от того, сознательно ли Марк или Матфей намеревались это сделать, это разумная интерпретация того, что они сказали. Конечно, в этот

момент особенно христиане могли бы ответить вопросом: действительно ли нас в первую очередь интересует то, что сказал человек-автор? Интересует ли нас в первую очередь то, что говорит здесь Бог, божественный автор? И, конечно же, мы, христиане, ответили бы: да, нас в первую очередь интересует то, что здесь говорит божественный голос. Но здесь мы должны еще раз вернуться к самому характеру самого текста и признать, что согласно самой Библии, Слову Божьему, Бог открывает Себя; Божье откровение совершается именно через людей-авторов, именно через людей-авторов.

В нашей Библии нет ни одной книги, утверждающей, что она написана Богом. Авторы библейских книг, с которыми мы сталкиваемся, всегда обращаются к Богу не как в первом лице, а во втором лице. Это очевидное и довольно знакомое наблюдение приводит нас к глубокому осознанию того, что откровение в соответствии со структурным откровением в Писании никогда не бывает непосредственным.

Другими словами, Бог раскрывает себя через посредничество человеческих авторов. Поэтому мы можем наиболее надежно встретиться и постичь божественный разум, работая через человеческий разум, разум человеческого автора, записавшего эти слова. Другими словами, мы приходим к встрече со словом Божьим, серьезно относясь к человеческим словам и всей их человечности.

Полный учет авторов-людей и их намерений, изложенных в этих текстах. Это ясно изложено в одном из немногих отрывков Нового Завета, в которых конкретно говорится о библейском откровении или откровении Бога в Библии. И это, конечно же, во 2 Петра, в конце 2 Петра, 1 глава, в конце первой главы 2 Петра, где мы читаем во 2 Петра 1, 20 и 21. Прежде всего, вы должны понять, что ни одно пророчество Писания не является предметом собственного толкования, потому что ни одно пророчество никогда не исходило по воле человека, но человек, движимый Святым Духом, говорил от Бога.

Теперь обратите внимание на грамматическую структуру этого предложения. Человек, подлежащее и сказуемое — люди говорили, а затем придаточное предложение, движимое Святым Духом. Это придаточное предложение очень важно.

Сказать, что это придаточное предложение, не значит, что оно имеет второстепенное значение, но дело в том, что откровение связано с речью человека, человека, говорящего от Бога. Итак, хотя, конечно, Бог может говорить с нами непосредственно из нашего знакомства с Писанием, не задумываясь о том, что автор-человек хотел сообщить этими очень человеческими словами, это наиболее надежный и, безусловно, самый типичный способ для Бога открыть нам Свое Слово в Священном Писании, если

мы серьезно относимся к речи человеческого автора. Опять же, обратитесь к автору, к намерению автора как к основе определения того, что является точным, а не неточной интерпретации.

Теперь еще одно убеждение заключается в том, что индуктивный подход должен быть обоснованным. То есть на основе, прежде всего, соответствующих знаний. Первый вид знания, о котором мы здесь говорим, — контекстуальный, интерпретирующий отдельные отрывки или темы в свете их функции в библейской книге.

И здесь мы снова собираемся сделать важный герменевтический момент, чрезвычайно важный. Это одна из самых важных вещей, которые мы собираемся сказать, и то, что я собираюсь сказать сейчас, по моему мнению, является одной из самых важных вещей, которые я скажу. Основной литературной единицей Библии является библейская книга.

Книга – это не столько, и Библия – это не столько книга, сколько библиотека книг, как выразился Дж. Кэмпбелл Морган. Библия – это не столько книга, сколько библиотека книг. Это на самом деле эта книжность, этот книжный характер.

Допустим, у вас есть 66 отдельных книг, каждая из которых имеет свою историю и свое послание. Эта книжность, книжный характер Библии на самом деле предполагает канонический процесс. Тем процессом, которым занималась церковь, ну, Израиль, в первую очередь евреи, а затем христианская церковь Нового Завета, с точки зрения определения степени библейского канона.

Когда иудеи, а затем несколько позднее христианская церковь приняли решение относительно того, что следует считать каноническим писанием, а что не следует считать каноническим писанием, община веры в обоих случаях, иудеи и христиане, приняла это решение на основе книг. . Речь не шла, например, о том, что Евангелия следует считать каноническими, и на этом все. Нет, речь шла о принятии решений относительно определенных евангельских книг.

Были определенные книги, евангельские книги, которые не были включены, и некоторые другие евангельские книги, которые были включены. Церковь также не сказала, например: «Ну, мы рассмотрим отрывки из Евангелия от Марка». Скажем, то, что мы сегодня знаем как Марка 2, Марка 12 и Марка 15.

Как канонично, но остальную часть Марка мы будем считать неканонической. Речь шла о том, чтобы вся книга считалась каноническим писанием или вся книга не считалась каноническим писанием. Решение о каноническом включении или исключении принималось на основании книг.

Итак, здесь задействована эта фундаментальная книжность, как с точки зрения природы самой Библии, так и очевидно, что Библия представляет каждую книгу как написанную ее собственным автором в свое время и имеющую свое собственное особое послание. И также, как я уже сказал, это было признано религиозными общинами, иудейскими и христианскими, с точки зрения канонического включения и исключения. Библия – это не столько книга, сколько библиотека книг.

Это значит, что мы должны быть осторожны в интерпретации, а не некритично, просто вчитывая одну книгу в другую книгу или сжимая послание одной книги в послание другой книги, но позволяя каждой книге представлять свое собственное послание. нам в своих собственных терминах, на своих собственных условиях, без, как я говорю, некритического или неправильного вчитывания других библейских отрывков и других библейских книг в нашу или в книгу, которую мы изучаем в любой момент времени. На самом деле это имеет отношение ко всему контексту. Когда вы говорите, что основной литературной единицей Библии является библейская книга, вы на самом деле говорите, что контекст не обязательно связан просто с отрывками или стихами, которые непосредственно предшествуют или сразу следуют за отрывком, над которым вы работаете. или интерпретация, но все в этой книге функционирует как литературный контекст.

Вся библейская книга является литературным контекстом для любого ее отрывка. Когда писатель создает книгу, он создает мир текста. Мы называем это текстуальным миром, миром текста.

Другими словами, книга фактически включает в себя построение литературной вселенной, а это означает, что каждый отрывок в данной книге каким-то образом, прямо или косвенно, связан с каждым другим отрывком в этой книге. Поэтому, когда мы говорим: «Ну, мы хотим интерпретировать этот стих в контексте», мы не имеем в виду просто. Мы, конечно, имеем в виду это в отношении стихов, которые непосредственно предшествуют и следуют.

Это нормально в контексте медиаконтекста, но мы имеем в виду, что интерпретируем его в свете его функции в рамках всей книги. Итак, вот что мы имеем в виду здесь, говоря о соответствующих контекстуальных знаниях. Но это также предполагает соответствующие структурные знания.

То есть контекстуальное знание предполагает не только, я бы сказал, релевантное знание предполагает не только контекстуальное, но и структурное. Позвольте мне, кстати, вернуться на мгновение, если можно, к этому контекстуальному знанию. Я, конечно, очень подчеркиваю книгу как литературный контекст.

Совершенно верно также, что существует такая вещь, как канонический контекст, то есть интерпретировать его в свете всего канона Священного Писания, а также исторического контекста, интерпретировать его в контексте его собственного исторического производства. Мне действительно следует сказать здесь немного больше, даже прежде чем мы продолжим рассматривать структуру, сказать больше о контексте в терминах не просто контекста литературной книги, но также и канонического контекста, потому что он, в Фактически, это тот случай, когда Библия составлена, поскольку мы говорим, что Библия состоит из 66 отдельных книг.

И кстати, можно сказать, что некоторые книги более динамичны в плане. Например, вы думаете о книге Псалмов или Псалтири, где у вас 150 псалмов. И в каком-то смысле каждый из этих псалмов функционирует как отдельная книга. И все же мы знаем, что в последнее время ученые, занимающиеся изучением псалмов, подчеркивают единство Псалтири, книги Псалмов в целом и то, как отдельные псалмы соотносятся с псалмами.

Так что даже там, конечно, в каком-то смысле отдельные псалмы функционируют как отдельная литературная единица, почти как отдельная книжечка. Но также, на другом уровне, они определенным образом расположены в книге Псалмов, что позволяет предположить, что их следует читать в свете связи с другими псалмами в книге, особенно с псалмами, которые непосредственно предшествуют и следуют за каждым псалмом. Однако я здесь говорю о том, что когда вы говорите о том, что Библия состоит из 66 книг, это правда, что вы должны быть готовы признать важность особого послания каждой отдельной книги, а не читать это послание некритически. других книг в эту книгу.

Но, сказав это, вы также должны учитывать, что дело не в том, что Библия состоит из 66 книг, которые просто существуют изолированно друг от друга. У вас каноническая сборка. Другими словами, Библия включает в себя канон из 66 книг, собранных в ней вместе, и в самой форме Библии содержится приглашение к нам читать эти книги в свете других книг канонического собрания.

Итак, на самом деле нам следует помнить о двух вещах. С одной стороны, осознавать и принимать особое послание каждой отдельной книги и отрывков в их книжном контексте, стараясь некритически вчитываться в другие книги или другие библейские отрывки в нашу книгу или наш отрывок. С другой стороны, признать, что после этого, после определения значения этого отрывка в контексте книги, нужно пойти дальше и исследовать, как этот отрывок и его значение в контексте книги соотносятся с остальной частью библейского канона.

Как остальная часть библейского канона на самом деле завершает или дополняет, дополняет, доводит до более широкого смысла значение того, о чем говорится в нашей отрывке, или даже как другие отрывки в Библии могут уточнять или придавать нюансы тому, что говорится. в нашем переходе. Так что это не вариант «или-или». Это не только уделение внимания отличительному посланию отдельных отрывков в контексте отдельной книги, но и, после этого, связывание значения этих отдельных отрывков в отдельных книгах или связывание послания всей книги с посланием канона. в целом.

Оба, как я уже сказал, на самом деле включают в себя как контекст литературной книги, так и канонический контекст. Но вернемся к интерпретации отрывков в свете их книжного контекста, обращая внимание на отличительную связь, отличительное послание отдельных книг, включая, как я уже сказал, признание того, что каждый отрывок в книге прямо или косвенно связан с каждым другим отрывком внутри книги. это, мы должны осознавать структуру. Структура чрезвычайно важна с точки зрения установления смысла.

Структура связана с исследованием того, как отрывки или элементы внутри отрывков связаны с элементами окружающего их контекста, окружающего их литературного контекста. Книги составные. Писатели соединяют слова, чтобы сформировать предложения, и объединяют предложения, чтобы сформировать абзацы, и объединяют абзацы, чтобы сформировать сегменты, и объединяют сегменты, чтобы сформировать разделы, и объединяют разделы, чтобы сформировать разделы, и объединяют разделы, чтобы сформировать всю книгу.

У. У. Уайт выразился так: вещи привлекают внимание. Таким образом, именно с точки зрения того, как отдельные элементы связаны друг с другом, писатели передают смысл. Они передают смысл.

Значение не передается отдельным словом само по себе. Слова имеют значение только по отношению к другим словам. Предложения не имеют смысла изолированно.

Предложение имеет смысл только по отношению к другим предложениям. Абзацы не имеют смысла изолированно. Абзац имеет значение только по отношению к абзацам, которые его окружают.

Сегменты в книгах сами по себе не имеют смысла. Их значение определяется тем, как они соотносятся с другими сегментами. И весь вопрос взаимоотношений связан со структурой.

Структура – это то, как вещи связаны друг с другом. Оно включает в себя исследование того, как вещи связаны друг с другом, и именно через понимание структуры или того, как вещи связаны друг с другом, мы приходим к пониманию

значения этих вещей сами по себе. На самом деле чистого контента не существует.

Все содержание приходит к нам через форму, через отношения, через структуру. Иногда я использую образ дома. Дом — это не дом; дом состоит, конечно, из досок, гонта, гвоздей и кирпичей.

Но дом — это не просто куча досок, кирпичей, черепицы и прочего. Куча этих вещей не образует дом. Никто бы, никто не принял бы кучу черепицы, досок и кирпичей за дом.

Дом включает в себя содержимое, пиломатериалы, кирпичи, черепицу, гвозди и все остальное, предполагает, что это содержимое организовано определенным образом, структурировано определенным образом. Только если у вас есть контент, структурированный определенным образом, у вас есть дом. Точно так же у вас нет библейской книги, состоящей только из содержания.

Книга состоит из содержания, организованного определенным образом и структурированного определенным образом. И так, чтобы любое общение произошло, оно должно иметь как содержание, материал, так и форму, структуру. Вы не сможете добраться до содержания, вы не сможете понять содержание, если не обратите внимание на структуру.

Таким образом, понимание структуры и использование структурной интерпретации абсолютно необходимы. Кроме того, это включает в себя историю, этот бизнес релевантных знаний, имеющий отношение к релевантным контекстуальным знаниям, релевантным структурным знаниям и релевантным историческим знаниям. Понимание исторического фона и использование этой фоновой интерпретации действительно развивают, действительно развивают то, что я сказал ранее в контексте контекстуального, с точки зрения исторического контекста.

Кстати, некоторые учёные желают разграничить или даже вбить клин между литературным и историческим изучением Библии. Я считаю, что это ложная дихотомия. Когда вы говорите «литература» или «литературный», вы подразумеваете или предполагаете историю.

Потому что каждая книга, каждое литературное произведение имеет историческое происхождение, исторический контекст. Таким образом, мы не можем серьезно принимать во внимание контекст, если не обратим внимание на исторический фон и не воспользуемся этим фоном в его интерпретации. Здесь мы фактически закладываем основу для того, о чем мы будем говорить чуть позже, с точки зрения того, что именно делать с точки зрения процесса изучения Библии.

И богословское, конечно, тоже важно. Это предполагает богословское размышление и проникновение. Это вытекает из наблюдения, которое мы сделали некоторое время назад, а именно, что эти документы прежде всего богословские.

Теперь они включают в себя и другие вещи. На самом деле у вас есть ссылки, даже вы имеете некоторую озабоченность даже тем, что мы сейчас называем естественными науками в Библии. Вас определенно беспокоит политика в Библии.

Все это очень верно. Но, тем не менее, вполне возможно, что каждая книга Библии в первую очередь посвящена представлению Бога и разговорам о Боге как своей основной цели. Итак, это предполагает серьезное богословское размышление и проникновение.

Кроме того, знание распознавания различных интерпретативных или прикладных возможностей, а также аргументов за и против каждого. Важно осознавать, что отрывки могут быть по-разному интерпретированы, знать, каковы различные возможные интерпретации, и быть в состоянии предоставить аргументы в пользу нашей интерпретации, нашего понимания значения отрывка или книги. по сравнению с другими возможностями, которые существуют. Мы также считаем, что оно должно быть не только, как мы говорим, индуктивным и методичным, серьезным и целенаправленным, целостным и последовательным, точным и информированным, но и аналитическим.

Особое внимание уделяется разбиению на компоненты и выявлению отдельных компонентов. Это действительно очень важно, когда дело доходит до процесса. Речь идет о том, чтобы разбить, скажем, отдельные отрывки или отдельные книги на их составные части и составные части и отметить значение этих частей по отношению, конечно, к другим частям.

Это вопрос анализа, но мы не останавливаемся ни на анализе, ни на синтезе. Также важно уделять внимание синтезу или синтетике. Это предполагает акцент на различии взаимосвязей и связей между отдельными частями.

Итак, признавая важность отдельных частей, но и затем синтезируя значение этих различных частей, скажем, различных слов предложения или различных абзацев отрезка, сводя смысл всех их вместе в плане синтеза целый. Это включает в себя, среди прочего, то, что, среди прочего, означает, всегда спрашивать, как этот отрывок или эта истина связаны со всей Библией или богословием Библии в целом и способствуют этому. Другими словами, нас интересует, что означают отдельные предложения, что означают отдельные

абзацы и что означают отдельные книги, но нас также интересует, как все это связано с тем, что есть в остальной части Библии. с целью создания богословия, библейского богословия в целом.

Позвольте мне сказать здесь несколько слов о проповеди. Я действительно думаю, что это уместно, поскольку это, конечно, отражает многовековую практику проповедования — читать текст или, может быть, два текста. Я, проповедуя, люблю читать и Ветхий Завет, и текст Нового Завета.

Но в любом случае, начать с чтения текста, а затем проповедовать отрывок или текст, который был выбран, и фактически передать в своей проповеди послание этого отрывка, конкретное значение или конкретное послание этого отрывка. Но я думаю, что это важно в проповеди, и есть несколько способов, которыми вы можете это сделать, но каким-то образом указать, что тема или тема, которая обсуждается в отрывке, который я проповедую в любой проповеди — это не все, что говорит о ней Библия. Существует как прямой, так и косвенный способ сообщить об этом.

Можно передать это напрямую, как проповедь по определенному отрывку, на самом деле просто для того, чтобы напомнить прихожанам, что существуют и другие библейские трактовки этой темы, этой темы. Это только один из них. Нам действительно нужно в своем мышлении помнить обо всех из них.

Это прямой путь. Косвенный путь на самом деле происходит через регулярную пастырскую проповедь или пастырское учение, так что, когда вы проповедуете все Священные Писания, со временем собрание переживает или сталкивается с различными истинами с разных библейских точек зрения, так что в собрании само развивается своего рода синтеза, когда человек проповедует Священные Писания месяц за месяцем и год за годом. Между прочим, это одно из преимуществ того, что особенно молодые проповедники, возможно, используют что-то вроде лекционария, где вы вынуждены проповедовать, используя отрывки из разных частей канона с течением времени, вопреки тенденции, которая в противном случае могла бы закрепиться, и это всего лишь проповедовать на основе любимых книг или избранных частей канона, а не всего Священного Писания, что фактически делает невозможным для ваших людей получение синтетического смысла учения Священных Писаний в целом.

Мы хотим сделать перерыв здесь, и мы ушли примерно на час, а когда вернемся, мы это округлим, а затем начнем рассматривать конкретный процесс, гипотетический процесс, который мы представим на ваше рассмотрение. .

Это доктор Дэвид Бауэр в своем учении об индуктивном изучении Библии. Это занятие 3: Индуктивная методология, Точный, Информированный, Автор, Sensus Plenior, Контекст, Аналитический и Синтетический.